

КОГДА ИЗДАДИМ ПОДЛИННОГО А.С. Пушкина?

Виктор Чумаков,
*писатель (Московская организация
Союза писателей России),
член Межведомственной комиссии
по русскому языку*

Я русский бы выучил, только... зачем? Этот вопрос, возникающий в разных конкурсах и привлекающий всё большее внимание (действительно, «зачем» — если вокруг англоязычный хай-тек, а молодёжь тусуется на дискотеках, отсусоливает бабло, застреливает на пушку и тихо забывает на Пушкина?), «Народное образование» уже поднимало в рамках «Народного проекта»... Нужен нам Пушкин, ой как нужен! Как необходимо целительное русское слово, как ждём мы все, когда Россия наконец заговорит по-русски. Шаг в этом направлении — издание подлинного Пушкина.

Реформа орфографии 1917–1918 годов довольно быстро осуществилась в границах РСФСР и СССР. Правительство В.И. Ленина в конце концов облекло её в форму декрета — законодательного акта, — противиться которому в обстановке классового противостояния было крайне опасно. Однако за границей, где проживали десятки миллионов

русских, старая орфография с её **ятем, фитой, и десятичным (і), ижицей** сохранялась десятилетиями. И лишь **ер** (твёрдый знак) в конце слова, оканчивающегося на согласную букву, был упразднён относительно быстро. В Центре Русской Православной Церкви Заграницей, в американском Джорданвилле, кириллица образца 1916 года жива до сих пор, и на ней печатается газета и многое другое.

Нам, живущим в России уже в XXI веке, снова приходится возвращаться к несправдному вопросу. Почему крупнейшие учёные-лингвисты и философы с 1904 года и до 1917-го не смогли прийти к полному согласию, а реформа состоялась через их головы? Что мы потеряли, вводя эту новую орфографию?

С конечной инициативой выступил мифический съезд учителей, собравшийся якобы в декабре 1916 года в самый разгар Мировой войны. Этот призыв учителей, «измученных» буквами ять, фита и ижица, был реализован министром Временного правительства А.А. Мануиловым (Мануйловым). Он обнародовал текст реформы, с ухмылочкой названной прессой «Мануиловской реформой орфографии».

Увы, загнанная внутрь болезнь — осталась, а поэтому нам снова приходится возвращаться к анализу особенностей орфографии, орфоэпии дореформенных текстов с тем, чтобы осознать, а всё ли верно получается в итоге, если чисто формально переложить старый текст на новое правописание? Можно ли средствами современной орфографии точно, адекватно передать мысль автора XIX века, а также иллюзию, что она озвучена им самим и сохраняет авторскую просодию?

Увы, за 90 лет жизни этой орфографии сделано (это гигантские тиражи!) столько ошибок, что диву даёшься! Ведь многие видели, что это — ошибки, но, скорее всего, боязнь репрессий больших или малых останавливала редакторов, в том числе и академиков, выбрать достойный орфографический режим издания А.С. Пушкина.

Сейчас в очередной раз делается попытка убедить общественность отказаться от абсолютно формального применения правил орфографии 1917–1918 гг. при издании и цитировании дореформенных текстов.

В этом случае современная орфография с её 33-буквенным алфавитом, знаком ударения, а также синтаксисом и пунктуацией должны быть всецело поставлены на службу исклю-

чительно для того, чтобы елико возможно без искажений отобразить мысль автора в каком бы орфографическом режиме прошлого (XVIII–XIX вв.) она — эта мысль — ни была изложена на бумаге. Подчеркнём — речь не идёт о возврате хоть какой-нибудь из четырёх букв, исключённых из русского алфавита в 1917–1918 гг. Однако время показало, как важно ныне абсолютно последовательно печатать букву ё, ставшую равноправной, седьмой по счёту буквой азбуки, при издании всех дореформенных текстов.

Эта буква как графический символ русского алфавита, отвечающий за отображение на письме звуков [йо] (ёлка, заём, остриё), [ьо] (г. Королёв, оленёнок, вёсла), а также [о] (Чернышёв, стажёр, учёный) в силу ряда причин: удорожание печати, отсутствие буквы в типографской наборной кассе, невнимательность, нерадение, лень автора или исполнителей-печатников, — тиражировалась довольно часто без её казалось бы неотъемлемых точек наверху. Часто забывается, что буква ё — это вовсе не буква е с точками, а самостоятельная буква — ё, к примеру, как й или і, но напечатанная либо с точкам, что правильно, либо без точек, что ошибочно, ибо при этом пишущий-печатающий вводит в заблуждение читателя. Ведь мало того, что искажается произношение слов, но и меняется кардинально смысл слова, например, в фамилиях: Ерёменко — Ерёмэнко, Чухраёв — Чухраёв, в топонимах: Березо́вка — Березо́вка, Орёл — Орёл или в именах нарицательных: всё — всё, передо́хнем — передо́хнём, желёзка — желёзка, поса́женный — поса́жённый, минёт — минёт и т.п. А попробуйте убрать точки над ё в забавной фразе, придуманной академиком В.В. Виноградовым для студентов: «Осёл мёл хвостом по полу». Поэтому ответственной задачей готовящего к публикации тексты прошлого — отличить слова типа уединённый от уединённый или смирённый от смирённый. Или знать, что в XIX веке произнести: звёзды было не слишком верным, потому что это слово писалось через ять, что требовало сказать звёзды (примерно как звиезды).

Сколько же путаницы и искажений внесено, с «лёгкой руки» безграмотных и равнодушных (особенно бойся равнодушных!) редакторов, полагавших, что если А.С. Пушкин не поставил ё в слове **все**, то и сейчас это делать не след. Во внимание не принимается, что тогда была смысловозначительная буква **ять**, и если до 1917 года писали **все**, то это как раз и означало наречие **все**. Если же тогда было нужно напечатать местоимение **все**, то вместо **е** печатался **ять** (*ять — мужского рода!*). Когда к столетию со дня смерти поэта был издан тысячестраничный том почти всего им написанного, то редактор, знаменитый Б.В. Томашевский, поставил ё абсолютно во всех словах **все**. Сейчас это почти повсеместно забыто и игнорируется, а деструктивная роль Института русского языка им. В.В. Виноградова — проводника ненужности буквы ё в русском языке — несомненна. В этом, с позволения сказать, институте считают верной формулу: «Пушкин — наше **все!**»

Нередки случаи и иной крайности, когда не разобравшись, не посмотрев в прижизненное издание, печатают наречие **все** вместо местоимения **все**. Хотя давно и хорошо известен совет-рекомендация Марины Цветаевой: поставить в слове **все** ударение, означающее предостережение, что это «не ё»: **всё**.

Мои богини! Что вы? Где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? Другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
(«Евгений Онегин», гл. 1, XIX)

Кто только не высказывался, что недоразумение устранить не удаётся. В том числе и академик РАН М.Л. Гаспаров. Есть издания «Онегина», в которых ошибочно напечатано «Всё те же ль вы?» А если напечатать формально правильно, а именно: «Все те же ль вы?», то многие читатели всё равно читают (и понимают!) как «Всё те же ль...», что означает, не переменялись ли вы внешне или в душе, а Пушкин-то спрашивает, — «В том ли вы остались составе?» Оказалось же проще простого. Ведь требуется только посмотреть, как оно было в прижизненном издании? Там напечатано с ятем: «Все те же ль вы?» И сделать, как рекомендовала и делала Марина Цветаева.

Теперь о замене местоимения **ея** на **её** и **оне** на **они**. В 1917–1918 годах Постановления об упрощении русского правописания в России выходили, как минимум, трижды. Первое, Мануиловское, 11 мая 1917 года. Второе, опубликовано 23 декабря 1917 года и подписано народным Комиссаром по Просвещению А.В. Луначарским, секретарь Дм. Лещенко. Третье, (самое короткое) подписано Луначарским и секретарём Л. Фотиевой 10 октября 1918 года в Кремле. Оно называется «Декрет о введении новой орфографии». В нём Совет Народных Комиссаров постановил (*орфография документа сохранена*):

«I. Все правительственные издания, периодические (газеты, журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т.п.), все документы и бумаги должны печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию с **15-го октября 1918 года...**

9) Писать **они** вместо **оне** (с ятем, конечно!), в имен. пад. мн. ч. женского рода.

10) Писать в родительном падеже единственного числа местоимений личного женского рода **ее** (или **её**) вместо **ея**».

И, конечно, не нужно в наше время, слепо следуя этим пунктам (9, 10) менять местоимение **ея** на **её** и **оне** на **они** тем более, что в огромном большинстве случаев печатают вовсе не **её**, а уродливое **ее**. Фактически, например, «Ея Императорское Высочество» меняется на «Ее Императорское Высочество» В стихах же это ведёт к искажению авторского замысла, то есть звучит ныне строка (а поэзия — это слово произнесённое, а подчас, и спетое) вовсе не так, как она звучала из уст поэта.

Нередко у издателей советских времён не было выбора напечатать только **ея**:

На крик испуганный **ея**
Ребят дворовая **семья**
Сбежались шумно. Не без драки
Мальчишки разогнали псов,
Взяв барыню под свой покров. (7, XVI)

Как и нам сейчас представляется единственно верным вариант:

Ея сердечного признанья
Умильно требуют **оне**.
Но Таня, точно как **во сне**,
Их речи слышит без участия,
Не понимает ничего,... (7, XLVII)

В последние 15 лет написано об этом уже изрядно. Например, о казусе в стихотворении А.А. Фета «С какой я негою желанья». 1863 г.

Но столько думы молчаливой
Не шлёт мне луч её нигде,
Как у корней плакучей ивы,
В твоём саду, в твоём пруде.

Только посмотрев в дореформенное издание можно уверенно сказать, как правильно: «луч ея» или «луч её». Поясним. «Ея лучь» или «лучь ея», ныне и тогда — это принадлежащий ей луч — её луч. Но если в XIX веке: «Не шлёт мне лучь её...», то это означает, что некий луч не переносит её с одного места на другое.

А вот пример искажения редакторами А.С. Пушкина, когда опрометчиво меняют местоимение **оне** на современное **они**.

...Люблю их ножки: только вряд
Найдёте вы в России **целой**
Три пары стройных женских ног.
Ах! долго я забыть не мог
Две ножки!... Грустный, **охладелой**,
Я **всё** их помню, и во сне
Оне тревожат сердце мне. (Гл.1, XXX)

Ныне вместо **оне** печатают **они**, думая лишь о неуклонном исполнении Декрета о введении нового правописания 1918 года и калеча стих Поэта. Уничтожается и так называемая глазная рифма: **целой** — **охладелой**. Печатают **охладелый**. И, наконец, есть «Онегины», в которых вместо «Я **всё** их помню» напечатано: «Я **все** их помню».

Что же касается содержательной стороны романа в стихах, то, конечно же, печатать сейчас следует, как было у А.С. Пушкина в первом или втором полном изданиях (1833 г. и 1837 г.):

Нашёл он полон двор услуги;
К **покойному** со всех сторон... (1, LIII)
(А не к **покойнику**..!)

И далее:

В гостиной штофные обои,
Портреты дедов на стенах,... (2, II)
(А не **Царей портреты**..!)

Затем:

Оброком лёгким заменил;
Мужик судьбу благословил. (2, IV)
(А не **И раб судьбу**..!)

Учёные-эксперты возразят, что кое-что было сделано по настоянию цензора. Прекрасно! И это нужно пояснить в предисловии и в сноске на странице. Но приоритет отдать последней воле Поэта. Он правил и отправлял в типографию все оттиски-гранки.

Что же касается сносок и пояснений внизу или на полях страницы, то при нынешнем развитии компьютерной вёрстки — всё решается просто. Уже есть издания «Евгения Онегина», в которых в 12 случаях поставлена помета напротив слова «мир», которое у Пушкина написано — «міръ». В некоторых случаях это исключительно важно для понимания смысла.

Почти во всех советских воспроизведениях романа, на мой взгляд, грубая ошибка допущена в самой последней строке «Евгения Онегина» по сравнению с прижизненным пушкинским изданием 1837 года и в изданном в Ленинграде в 1936 году однотомнике. Это последняя строка «ОТРЫВКОВ из путешествия Онегина».

А.С. Пушкин — ...жил тогда в Одессе **пыльной**..., о чём с массой изящных

подробностей рассказывает он в десяти завершающих строфах «Отрывков». Затем ставит концовку из трёх собранных в треугольник звёздочек и под ней печатает:

И так я жил тогда в Одессе...

Казалось бы, как Божий день ясно, — Пушкин сообщает нам: «Вот как я жил тогда в Одессе...», но нет же, почти все советские редакторы вместо автора «подытоживают» роман и печатают:

Итак, я жил тогда в Одессе...

По какой же причине и зачем понадобилось изменить написание ясных последних слов Романа, отредактированного самим Поэтом, увы, не обнаруживается.

И, наконец, о смешном, забавном, а вернее, просто похабном.

Цитируем строки из «Андрея Шанье» и стихотворения «Паж или пятнадцатый год».

...В объятиях твоих он сладко **отдохнёт**.
Так буря мрачная **минёт!**

Пятнадцать лет мне скоро **минет**;
Дождусь ли радостного дня?

Именно так и только так! должно быть напечатано, если ты не хулиган и не хочешь нанести вред. Но, без зазрения совести, это всё ныне печатают и без ударения, и без ё. Обнаружилось, что в XIX веке в «Андрее Шанье» печатали **минёт**.

А не может ли быть одной из причин потери интереса к поэзии и, в частности, к поэзии XIX века — это непродуманная, чересчур формальная её публикация со строгим (вот только зачем?!) следованием нормам современной орфографии и неким, порой, надуманным, академическим канонам?

Принципы: всё для блага читателя! и — прочь эгоизм редактора и издателя напечатать попроще, да с плеч долой! — должны победить.

Созданная корифеями графическая система русского правописания позволяет нам, воору-

жённым компьютерами, использовать не только все надстрочные знаки: ударение, букву ё, но для показа ударения, а, возможно, и иных нюансов произношения или интонации использовать также курсивное начертание гласной буквы среди прямого текста и прямое начертание среди курсивной строки или подчёркивание гласной, что уже практикуется при издании поэзии XVIII–XIX веков. Есть и другие возможности оживить, и вполне законно, нынешнюю нашу унылую строку с длинными словами. Загляните в книгу на допетровской кириллице, и вам станет ясно, что мы потеряли.

Можно было бы ещё и ещё приводить примеры уродования редакторами текстов А.С. Пушкина и других великих поэтов орудием орфографии и пунктуации, когда, например, убраны заглавные буквы (Муза, Охтенка, Немец, по-Французски и др.), напрочь сметены почти все авторские ударения, стоявшие в изобилии до 1918 года в том числе и в односложных словах (как, что), восклицательный знак заменён точкой, многоточие из пяти точек недрогнувшей рукой сменено на три точки и тому подобное.

И повторим вслед за многими знатоками этой проблемы: Д.С. Лихачёвым, И.А. Ильиным, Вяч. Ивановым, Ю.М. Лотманом, В.В. Набоковым, А.И. Солженицыным и другими: Следование канонам современной орфографии и пунктуации, пренебрежение особенностями старинного правописания, его бездумная модернизация ведут к утрате достоверности дореформенных (до 1918 г.) текстов.

Трезво же взглянуть на происходящее в русской грамматике, орфографии, пунктуации и графике кое для кого из стоящих у руля в филологических науках в России означает, увы, пресловутое, а то и трусливое: «не могу поступиться принципами». **А ведь давно уж пора действовать! НО**